Сюрприз / рассказ

Category: Hekaýalar,Kitapcy
написано kitapcy | 24 января, 2025
Сюрприз / рассказ СЮРПРИЗ

Пароход был полон пассажиров. На море стояло затишье, и обитатели Гавра решили проехаться в Трувиль.
Отдали канаты: последний свисток возвестил об отплытии; тотчас же весь пароход содрогнулся, и вдоль его бортов зашумела всколыхнувшаяся вода.
Колеса вертелись несколько секунд, потом остановились и потихоньку завертелись снова. Когда же капитан, стоявший на мостике, крикнул через рупор в недра машинного отделения: «Полный ход!», — колеса быстро зашлепали по воде.
Мы двигались вдоль мола, усеянного народом. Люди на пароходе махали платками, словно уезжали в Америку, и друзья, оставшиеся на суше, отвечали тем же.
Лучи горячего июльского солнца падали на красные зонтики, на светлые платья, на веселые лица, на океан, чуть зыбившийся мелкими волнами. Выйдя из порта, маленькое судно повернуло и направило свой острый нос на далекий берег, смутно видневшийся сквозь утренний туман.
Влево от нас открывалось устье Сены шириной в двадцать километров. Там и сям огромные бакены отмечали песчаные мели, и видно было, как вдалеке через бескрайную чистую и зеленую гладь открытого моря протягивались желтой лентой пресные тинистые воды реки, не смешивались с соленой морской водою.
Стоит мне подняться на палубу, как у меня является потребность ходить взад и вперед по пароходу, словно матросу на вахте. Почему? Сам не знаю. И вот я начал слоняться по палубе в толпе пассажиров.
Вдруг меня окликнули. Я обернулся. Это был один из моих старых друзей, Анри Сидуан, с которым я не встречался целых десять лет.
Мы пожали друг другу руки и заговорили о том, о сем, продолжая вместе эту прогулку медведя в клетке, которую я раньше

совершал один. Болтая, мы посматривали на два ряда пассажиров, сидевших по обеим сторонам палубы.
Вдруг Сидуан произнес с неподдельным бешенством:
— Здесь полно англичан! Что за гадкий народ!
Действительно, англичан было полно. Мужчины, стоя, с важным видом обозревали в бинокль горизонт, словно заявляя: «Это мы, англичане, хозяева морей. Бум! Бум! Это мы!»
И белые вуали развевались вокруг их белых шляп, словно знамена их самомнения.
Молодые плоскогрудые мисс в ботинках, напоминавших морские корабли их родины, в пестрых шалях, стягивавших их прямые торсы и худые плечи, рассеянно улыбались ослепительному пейзажу. Маленькие головки, торчавшие на этих длинных телах, были прикрыты английскими шляпами странной формы, а пучки жидких волос на затылках напоминали свернувшихся в клубок ужей. Старые мисс, еще более тощие, широко разевали свои национальные челюсти, вдыхая морской воздух, и, казалось, грозили пространству огромными желтыми зубами.
Вблизи них ощущался запах резины и зубного эликсира.
Сидуан повторил с нарастающим раздражением:
— Подлый народ! Неужели нельзя запретить им въезд во Францию?
Я спросил с улыбкой:
— За что ты на них так зол? Мне вот, например, они глубоко безразличны.
Он произнес:
— Да, черт возьми, тебе безразличны! Но я-то ведь женат на англичанке. Вот в чем штука!
Я остановился и громко расхохотался:
— Ах, черт подери! Расскажи. Значит, ты с ней очень несчастлив?
Он пожал плечами:
— Нет, не совсем.
— Тогда… она… она… она тебе изменяет?
— К несчастью, нет. Это было бы поводом к разводу, и я бы отделался от нее.
— Ну, так я ничего не понимаю!
— Не понимаешь? Это меня вовсе не удивляет. Просто-напросто

она выучилась говорить по-французски, вот и все. Слушай же.
У меня не было ни малейшего желания жениться, когда я два года тому назад решил провести лето в Этрета. Нет ничего опаснее этих морских курортов. Не возможно и представить себе, как выигрывают там молоденькие девицы. Париж принадлежит женщинам, курорты — девушкам.
Прогулки на осликах, утренние купания, завтраки на траве — сколько брачных капканов! И действительно, нет ничего прелестнее восемнадцатилетней девушки, когда она резвится в поле или собирает придорожные цветы.
Я познакомился с одним английским семейством, поселившимся в том же отеле, что и я. Папаша походил на этих вот субъектов, а мать — на всех англичанок.
У них было двое сыновей, двое костлявых юнцов, которые с утра до вечера играли в самые буйные игры мячами, дубинками, ракетками; затем у них были две дочери: старшая — тоже сухая, законсервированная англичанка, а младшая — прямо чудо. Блондинка, светлая блондинка, с головкой небожительницы! Уж когда они, негодницы, вздумают быть красивыми, тогда они просто божественны. У этой девушки были синие глаза, такие синие глаза, в которых словно таится вся поэзия, все мечты, все надежды, все земное счастье!
Какой беспредельный простор фантазии открывают таким женские глаза! Как все это отвечает вечным смутным ожиданиям нашего сердца!
Да и надо сказать, что мы, французы, обожаем иностранок. Стоит нам встретить мало-мальски хорошенькую русскую, итальянку, шведку, испанку или англичанку, как мы тотчас же влюбляемся в нее. Все заграничное приводит нас в восторг: сукно для брюк, шляпы, перчатки, ружья и… женщины.
Однако мы сильно заблуждаемся!
Мне кажется, что всего больше нас чарует в этих экзотических созданиях их неправильное произношение. Если женщина плохо говорит по-французски, она кажется нам прелестной, если она делает ошибки решительно в каждом слове, она восхитительна, но если она лепечет что-то уж совершенно невразумительное, она становится неотразимой.

Ты не представляешь себе, как прелестно звучит в милых розовых устах: «Я ошинь лублу жиго».
Моя маленькая англичанка Кэт говорила на каком-то невероятном языке. Она изобретала такие неожиданные слова, что в первые дни я ровно ничего не понимал, а потом окончательно влюбился в. этот веселый и комический арго.
Самые нелепые, самые смешные, самые исковерканные слова в ее устах приобретали неподражаемое очарование, и по вечерам на террасе Казино мы вели долгие разговоры, похожие на игру в словесные загадки.
Я женился на ней. Я полюбил ее безумно, как можно полюбить только Мечту. Ибо истинные влюбленные любят только мечту, воплощенную в образе женщины.
Ты помнишь удивительные стихи Луи Буйлэ:

И в годы лучшие, ища моей улыбки.
Была ты лишь струной, а я всегда смычком,
И, как мелодиям на гулком теле скрипки.
Своей мечте велел я в сердце петь твоем [1].

Так вот, дорогой мой, моей единственной ошибкой было то, что я нанял для жены учителя французского языка.
Пока она истязала словарь и мучила грамматику, она была мне мила.
Наши беседы были несложны. В них раскрывалась поразительная грация ее существа и ни с чем не сравнимое изящество жестов. Эти беседы делали ее в моих глазах чудесной говорящей игрушкой, живой куклой, созданной для поцелуев, умеющей кое-как перечислять то, что она любит, издавать иногда причудливые восклицания и самым неожиданным и непонятным образом, но тем более пленительно, выражать свои несложные чувства и переживания.
Она очень напоминала красивые игрушки, которые вместо «папа» и «мама» произносят «бааба» и «баамбам».
Но мог ли я предвидеть, что…
Теперь она говорит… Она говорит… плохо… очень плохо… делает столько же ошибок… но ее можно понять… я понимаю ее… я знаю… я

ее знаю…
Я распорол свою куклу, желая поглядеть, что у нее внутри… и увидел… И теперь мне надо с ней разговаривать, дорогой мой.
Ах, ты не знаешь, какие мнения, какие мысли, какие теории свойственны молодой, хорошо воспитанной англичанке, которую я, в сущности, не могу упрекнуть ни в чем, но которая с утра до вечера повторяет мне все прописные фразы из лексикона, принятого в пансионе для благородных девиц.
Видал ли ты котильонные сюрпризы, красивые золотые бумажки, в которые завернуты несъедобные конфеты? Мне достался такой сюрприз. Я раскрыл его. Я захотел съесть то, что было внутри, но испытал такое отвращение, что и сейчас меня тошнит, как только я увижу одну из соотечественниц моей супруги.
Я как будто женился на попугае, которого старая английская классная дама выучила говорить по-французски. Ты понимаешь?

…

Уже показались заполненные народом деревянные мостки пристани Трувиля.
Я спросил:
— Где же твоя жена?
— Я отвез ее в Этрета.
— Ну, а ты куда направляешься?
— Я? Еду в Трувиль развлечься.
Помолчав, он добавил:
— Ты не представляешь себе, до чего иногда может быть глупа женщина.

* * *

[1] Перевод Б. В. Горнунга.

Напечатано в «Голуа» 4 сентября 1884 года.

Луи Буйле (1822-1869) — французский поэт-парнасец. Hekaýalar